

6. Степанова А. В. Русская адвокатура и общественно-политическая борьба в пореформенной России / А.В. Степанова // Известия Саратовского Университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2008. – № 1. – С. 3–8.
7. Черник М. В. Мировая юстиция при Временном правительстве в 1917 г. : попытка трансформации (на материалах Астраханской губернии) / М. В. Черник // Каспийский регион: политика, экономика и культура. – 2012. – № 4. – С. 384–388.
8. Черник М. В. Особенности формирования Астраханского окружного суда (1867–1894 гг.) / М. В. Черник // Каспийский регион: политика, экономика и культура. – 2013. – № 3. – С. 387–392.

References

1. State Archive of the Astrakhan Region. F. 205, op. 3, d. 81, l.111–113.
2. *Osobyu Nakaz Astrakhanskogo okruzhnogo suda* [Special Order of the Astrakhan district court], 1896. 123 p.
3. Speranskiy M. M. (comp.) *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiyskoy Imperii* [Complete collection of Laws of the Russian Empire], Saint-Petersburg, Sobstvennaya Yego Imperatorskogo Velichestva kantselyariya Publ., 1876, collection 2, vol. 49, no. 53573. 948 p.
4. Vilenskiy B. V. (ed.) *Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vv.* [Russian legislation of the X–XX centuries.], Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1991, vol. 8. Judicial reform. 469 p.
5. Savin A. V. *Istoriya Astrakhanskogo kraya* [History of the Astrakhan region], Astrakhan, Astrakhan State Pedagogical University Publ. House, 2000. 1122 p.
6. Stepanova A. V. Russkaya advokatura i obshchestvenno-politicheskaya borba v poreformennoy Rossii [The Russian legal profession and political fight in post-reform Russia]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta* [Proceedings of Saratov University. New series. Series History. International Relations], 2008, no. 1, pp. 3–8.
7. Chernik M. V. Mirovaya yustitsiya pri Vremennom pravitelstve v 1917 g. : popytka transformatsii (na materialakh Astrakhanskoy gubernii) [World justice at provisional government in 1917: transformation attempt (on materials of the Astrakhan province)]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika i kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2012, no. 4, pp. 384–388.
8. Chernik M. V. Osobennosti formirovaniya Astrakhanskogo okruzhnogo suda (1867–1894 gg.) [The features of the Astrakhan district court's formation (1867–1894)]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika i kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2013, no. 3, pp. 387–392.

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТОРОНЫ СТАНОВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Резаков Равиль Гарифович, доктор педагогических наук, профессор

Московский городской педагогический университет
129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный пр-д, 4
E-mail: RezakovR@mgru.ru

Рекешева Фариди Марсильевна, кандидат психологических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

В статье раскрываются основные направления становления развития образовательных учреждений в Астраханской губернии в XIX – начале XX в., показана взаимосвязь истории края с развитием просвещения России, раскрывается роль религии в становлении народного образования. В статье описывается развитие просвещения среди различных национальностей Астрахани – татар, казахов и калмыков.

Ключевые слова: народное образование, дошкольное образование, начальное образование, государственные учебные заведения, конфессиональные учебные заведения, духовное обучение, светское обучение, религия, нерусские народности, этнические группы

**HISTORICAL AND ETNOCONFESSIONAL PARTIES
OF THE DEVELOPMENT OF EDUCATION
IN THE ASTRAKHAN PROVINCE**

Rezakov Ravil G., D.Sc. (Pedagogics), Professor

Moscow City Teacher Training University
4 2-oy Selskokhozyaystvennyy pas., Moscow, 129226, Russian Federation
E-mail: RezakovR@mgpu.ru

Rekesheva Farida M., Ph.D. (Psychology), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation

The article reveals the basic directions of development of educational institutions in the Astrakhan province in the 19th and early 20th century, shows the relationship between the history of the region with the development of education of Russia, examines the role of religion in the formation of public education. This article describes the development of education among the various nationalities of Astrakhan –Tatars, Kazakhs and Kalmyks.

Keywords: popular education, pre-school education, primary education, public schools, religious education, moral education, social studies, religion, non-Russian ethnic groups, ethnic groups

В новом законе «Об образовании в Российской Федерации» дошкольное образование становится уровнем общего образования, и в настоящее время должно представлять завершённый цикл образования, который характеризуется определенной единой совокупностью требований. Оно должно быть направлено на «разностороннее развитие детей дошкольного возраста с учётом их возрастных и индивидуальных особенностей, в том числе достижение детьми дошкольного возраста уровня развития, необходимого и достаточного для успешного освоения ими образовательных программ начального общего образования, на основе индивидуального подхода к детям дошкольного возраста и специфических для детей дошкольного возраста видов деятельности» [8, ст. 64, п. 2]. Данная позиция исходит из того, что какие-либо закономерности физического и психического развития детей не должны зависеть от принадлежности к той или иной национальной и конфессиональной общности. Многонациональный состав населения в Российском государстве предоставляет возможность рассмотреть различные подходы по организации дошкольного воспитания и начального обучения. Мы постарались раскрыть данную позицию на основе ретроспективного исторического подхода к становлению и развитию дошкольного и начального образования в Астраханской губернии.

Исходя из того, что Астрахань с XVI в. входила в состав Российского государства, то все вехи становления того или иного социального института в полной мере касались и народов, заселявших её территорию. Первые упоминания о развитии общественного дошкольного воспитания отечественные исследователи относят к рубежу XVII и XVIII вв. Здесь необходимо отметить, что мы рассматриваем институализированную форму организации детского воспитания. Так как задолго до обозначенного периода проблема воспитания, обучения и развития детей нашла широкое отражение в устном народном творчестве. Это позволило сформировать основополагающие принципы и положения народной педагогики по отношению к воспитанию и обучению детей.

Специальными указами Петра I (1712, 1714–1715 гг.) духовенству, дворянству, горожанам предписывалось открывать госпитали для сирот и подкидышей. Для этого наряду с пожертвованиями выделялись некоторые суммы из государственной казны [4, с. 26].

Вторая половина XVIII в. ознаменовалась открытием в Москве (1763 г.) и Петербурге (1770 г.) воспитательных домов. В них жизнь воспитанников была постро-

на следующем образом: они «делились по возрастам: от 2 до 7 лет, от 7 до 11 лет, от 11 до 14 лет. До 2-х лет дети находились на руках кормилиц, после чего переводились в «общие покои», где воспитывались в играх и трудовых занятиях. Обучение труду продолжалось в течение всего пребывания ребёнка в воспитательном доме. Мальчиков учили огородным и садовым работам и ремеслу, девочек домоводству, вязать, прясть, плести кружева, шить, гладить, стирать» [3, с. 124].

Существенным недостатком этих дошкольных учреждений была их переполненность разновозрастными детьми и, в связи с недостаточной развитой медициной, слишком высокая смертность от инфекционных заболеваний. Так, например, в Петербургском доме в некоторые годы умирало до 90 % воспитанников. В народе данные воспитательные учреждения прозвали «фабриками ангелов» [3, с. 125]. Чтобы как-то решить проблему высокой смертности, в это время возникла система патронирования – в форме передачи грудных детей за плату (прим. – от государства) на воспитание жителям. Но и это мероприятие по разным причинам (невежество, корысть, жестокое отношение, бедность и т.п.) не решило проблему детской смертности безнадзорных детей.

Данная проблема не могла не затронуть педагогическую общественность. В первой половине XIX в. усилиями передовых русских педагогов (А. Одоевским, П. Гурьевым, Е. Гугелем) при Гатчинском сиротском доме, на собственные средства, было открыто дошкольное учреждение – школа для малолетних детей, находившихся на патронировании у горожан. Впоследствии из этого опыта, деятельность которого они освещали в издаваемом ими первом русском «Педагогическом журнале», возник и был осуществлен проект создания при воспитательных домах пансионатов для содержания малолетних питомцев и школы для первоначального обучения детей. «В пансионаты набрали детей в возрасте от 4 лет, находившихся на патронировании у горожан Гатчины, не более 5–6 мальчиков или девочек в каждый пансион. Дети должны жить в пансионатах до восьми лет, а затем переходить в Гатчинский воспитательный дом. Содержательницам пансионатов рекомендовалось проявлять к детям гуманность, чуткость, воспитывать их нравственно, добиваться, создания дружеских отношений, и взаимопомощи» [3, с. 132].

По мнению выдающегося педагога К.Д. Ушинского, созданная Е. Гугелем школа, соединившая дошкольные учреждения (отделения для детей от 4-х до 6-ти лет) с первыми классами элементарной школы (отделения для детей от 6-ти до 8-ми лет), выгодно сочетала в себе элементы семейного воспитания с подготовкой детей к систематическому обучению.

Первые детские сады в России появились в 60-х гг. XIX в. по инициативе частных лиц. Плата за них была высокая, пребывание детей – всего 4 ч. А первый бесплатный детский сад (народный детский сад) был открыт в 1866 г. в городе Петербурге при благотворительном «Обществе дешёвых квартир». Как правило, платные дошкольные учреждения предназначались для высокооплачиваемой интеллигенции и буржуазии, а бесплатные детские сады, площадки, приюты, очаги – для детей низших слоев населения, а также детей сирот. В целом, несмотря на то, что к началу XX в. было открыто довольно большое число дошкольных учреждений, их развитие шло в России крайне медленно. Государственные ассигнования на дошкольное воспитание были ничтожны [11].

Астраханская губерния в конце XIX в. по пространству занимала четвертое место в ряду губерний Европейской России; её превосходили только три губернии: Архангельская, Вологодская и Пермская. По переписи 28 января 1897 г. население Астраханской губернии (включающей в себя 5 уездов и две степи Калмыцкая и Киргизская / Казахская /) составляло 1 000 316 человек. Численность населения губернии далеко не соответствовала её громадному, по тем временам, пространству: на 1 кв. миль приходилось 250 человек [5].

Население как в национальном, так и в религиозном отношении представляло собой крайнее разнообразие. Русское население являлось преобладающим (более 50 %). За ним в нисходящем порядке следовали: киргизы (казахи), калмыки, татары, персы, армяне и другие национальности. Распределение национальностей на территории губернии соответствует особенностям их жизни и занятиям. В соответствии с этим – русское население занимается земледелием, скотоводством, рыболовством. Киргизы (казахи) – скотоводы. Армяне и персы занимаются главным образом торговлей. Татары – садоводством и огородничеством. Пестрота населения, разнообразие занятий и исторические условия – всё это находило отражение в становлении и в развитии различных уровней образования. Образование каждой народности, каждой исторической группы шло своим особым путем и имело свою историю, в различной степени отличающуюся от истории других групп. Поэтому, чтобы увидеть всю полноту развития дошкольного воспитания и начального образования в Астраханской губернии, необходимо рассмотреть проведение образовательной политики в отношении нерусских народов [5].

Необходимо отметить, что образовательная политика в отношении нерусских народов России в XIX – начале XX в. нашла отражение во многих документах царской России. Она направлена в основном на системы начального и среднего образования, лишь в незначительной степени затрагивая дошкольное образование. Если затрагивать конфессиональную сторону вопроса, то некоторые исследователи считают, что меньшие опасения вызывали нехристианские народности, не исповедовавшие ислам (буддисты, католики, язычники, иудаисты и т.д.) [7, с. 10].

В этот период в России в области обучения нерусских народов уживалось два различных направления развития образования: этноконфессиональное (сплав этнопедагогике и исповедуемой религии) и светское – частное или государственное – с изучением государственного языка наряду с родным и предметов по утвержденным Министерством народного просвещения планам и программам [10, с. 50].

Наиболее многочисленными и устойчивыми этническими группами в Астраханской губернии были русские, татары, казахи и калмыки. Совместное обучение русских и нерусских детей было особенностью системы народного образования Астраханского края. Существовали начальные школы казачьего войска, русско-татарские, русско-калмыцкие, русско-казахские школы. Однако необходимо подчеркнуть, что в рамках процесса создания государственных образовательных учебных заведений для нерусских народностей, русификаторская политика правительства в Астраханской губернии абсолютно не доминировала и не достигла своих целей в отличие от остальных территорий России.

Астраханские татары – особая этническая группа, относящаяся к европейской группе и состоит из нескольких подгрупп (юртовские, карагаши и др.). На татар издревле имела сильное влияние религия. Как правило, они исповедуют ислам суннитского толка. К первой половине XVIII в. ислам проник во все сферы жизни татар – язык, обычаи, нравы, литературу. К концу XIX в. в Астраханской губернии почти в каждом селе была мечеть. Конфессиональная начальная школа (мектебе) имеет многовековую историю, восходящую к X в. Мектебе размещались при мечети и возглавлялись приходским муллой. Таким образом, в каждом административной единице с татарским населением находилась татарская начальная мусульманская школа для учеников с 8-ми до 14-ти лет. Обучение девочек организовывалось в доме муллы его супругой. Срок обучения не был строго регламентирован, не было и особых методик преподавания. Неизменным основным учебным пособием был Коран. Курс обучения проходил следующим образом: чтение и заучивание текстов на арабском и татарском языках, письмо (переписка сур Корана и божественных текстов), начала математики. Обучение девочек письму было строго запрещено. Мектебе существовали за счёт пожертвований прихожан, с бедных плата за обучение детей не взималась [10, с. 52].

Что касается светского образования, то к началу XX в. во ведении Дирекции народных училищ города Астрахани состояло три русско-татарских одноклассных учи-

лица и частная татарская школа, содержащаяся Мусульманским обществом «Шура-и-ислам». В школах изучались основы мусульманского вероучения, татарский, арабский, русские языки, основы арифметики. Исходя из этого, можно сделать вывод, что этноконфессиональное обучение было главным типом образования татар Астраханской губернии [7, с. 13].

Дошкольное воспитание и образование в целом было сосредоточено в семье. Семья всегда высоко ценилась татарами, а вступление в брак считалось естественной необходимостью. В прошлом семья являлась единственно возможной формой полнокровного функционирования крестьянского хозяйства, также гарантией обеспеченной старости. Она, как правило, была многодетной. Брачное поведение жестко регламентировалось господствующей моралью того времени. Среди астраханских татар, как и среди народов исповадовавших ислам, вступление в брак считалось священной обязанностью мусульманина: «Лицо, сочетавшееся браком, имеет перед Богом более заслуги, чем самый набожный мусульманин, оставшийся холостяком» [1, с. 147].

Традиционные представления о браке как о союзе, направленном на решение насущных потребностей в бытовом, материальном устройстве, воспроизводстве последующих поколений, в опоре и поддержке в старости, предопределяло и брачный выбор. Первостепенными являются личные качества супругов, а также здоровье, хозяйственность, трудолюбие. Поэтому у детей с раннего возраста в семье формировались столь высоко ценимые личные качества морально-этического плана – доброта, заботливость. Причем считается, что эти качества, способствующие созданию благоприятного психологического климата в семье, несколько больше необходимы девочкам. Для мальчиков важными считаются также качества морально-волевого характера – решительность, самостоятельность, смелость, что и поощрялось в игровых действиях [9, с. 327–329].

Влияние традиций ислама – одна из главных причин сведения на нет попыток внедрения государственного образования среди татар.

Калмыки, относящиеся к народу монгольского происхождения, появились в Нижнем Поволжье в начале XVII в. и в 1655–1664 гг. приняли Российское подданство. В 1714 г., с созданием Астраханской губернии, калмыки стали подчиняться военному губернатору. Семь основных улусов (кроме Ставропольского и Придонского) были включены в состав Астраханской губернии и находились в ней до 1920 г. Необходимо учитывать также тот факт, что до 1892 г. калмыки находились в крепостной зависимости.

Основной формой просвещения в XVII–XIX вв. являлась школа при ламаистском храме (хуруле). Хурульные школы делились на общие и специальные. Общее образование получали все мальчики, поступающие в хурулы учениками («манджи»). В начальной ступени манджикки изучали азбуку монгольского, калмыцкого, тибетского языков, чтение, письмо, заучивали на память молитвы и богослужебный устав ламаистского вероучения, участвовали в хурульных богослужениях в качестве прислужников. Общее обучение продолжалось 5–10 лет. В хурулах Астраханской губернии наблюдалась стабильная тенденция роста числа учащихся в хурульных школах. Но, несмотря на фактический рост, данный вид образования охватывал небольшое количество калмыцких детей [2].

Непосредственное влияние соседней русской народности могло стать одним из существенных средств развития образования калмыков. Но, как отмечают исследователи, «это средство может быть действенным только тогда когда соседняя народность будет сама богата знаниями» [5]. В тот период русская народность, как смежная с калмыками, была такой же невежественной. А при таких условиях цивилизующее влияние соседей невозможно [5].

Светское начальное калмыцкое образование получило большую поддержку правительства царской России, которое было заинтересовано в использовании калмыков в экономике государства. Обучались как мальчики, так и девочки. В курс обучения входили основы ламаистского (буддистского) вероучения, русский и калмыцкий языки, всеобщая и российская история, арифметика. Безусловно, народные началь-

ные школы (миссионерские, улусные, аймачные народные школы грамотности) имели важное значение в процессе развития образования калмыков Астраханской губернии в описываемый период. Но материальная необеспеченность школ, недостаток учебников и учебных пособий, низкая образовательная и педагогическая квалификация являлись характерными чертами русско-калмыцких начальных школ. Это определило то, что к 1913–1915 гг. в них обучалось 0,1 % к общему числу калмыков Астраханской губернии [2].

В XIX в. *казахов* называли киргизами или киргиз-кайсаками. В начале XIX в. кочевое племя султана Букея откочевало из-за Урала под покровительство русского царя. Ханское правление было упразднено и назначенный в 1822–1824 гг. Временный совет по управлению Ордой занимался вопросами организации жизни казахов на территории Астраханской губернии. Казахи становятся новым этническим компонентом Нижнего Поволжья. Временный совет ведал делами образования, хотя не имел компетентных чиновников в этой области. Кочевая культура определяла уклад жизни казахов, которые исповедывали ислам, впитавший в себя элементы древних языческих верований кочевников [10, с. 54].

Открытая в 1841 г. в Ставке хана Джангира Букеева школа стала первой русско-казахской школой. Учились в ней как казахи, так и русские. Опыт школы послужил основой для дальнейшей организации государственных начальных школ. В этой школе обучали «магометанскому закону, азиатским и русскому языкам, арифметике и общим понятиям об истории и географии» [5]. Духовное образование казахов до середины XIX в. находилось в руках ордынского духовенства, что способствовало росту мусульманских начальных школ. Внедрение государственного образования в среду казахского населения было более успешным, чем среди татар. Это привело к уменьшению количества мусульманских начальных школ. Фактически рост государственных учебных заведений начался после административных реформ второй половины XIX в. Светское образование в этот период осуществлялось в аульных школах со сроком обучения 2–3 года; одноклассных русско-казахских, старшинских и участковых – с 4-х летним обучением; двухклассных русско-казахских – с 6-летним сроком обучения. Данные формы обучения функционировали с конца XIX в. до 1918 г. Троекратное увеличение числа мусульманских школ с конца XIX в. до 1913 г. происходит в связи с ухудшением финансирования государственных школ.

Поскольку казахи вели полукочевой образ жизни, возникла необходимость постройки интернатов при начальных училищах для детей. Так, училище в Ханской ставке имело интернат на 70 человек, двухклассное училище в селе Большие Ганюшки – интернат на 40 человек, 5 участковых школ – на 20 человек [10, с. 54].

Материальный уровень и обеспечение учебного процесса в начальных русско-казахских школах было в плачевном состоянии. В отчетах инспекторов инородческих училищ (с 1984 г. казахские школы стали подчиняться Министерству народного просвещения) регулярно подчеркивалось неудовлетворительное состояние школьного дела среди казахского населения. Смета на содержание учеников не менялась с конца XIX в. по 1917 г. Многие участковые школы заканчивали учебный год с дефицитом бюджета. В связи с этим учеников, живущих в интернатах, отправляли на вынужденные каникулы на 1–2 месяца раньше положенного срока [10, с. 54].

Начальные государственные школы испытывали сложности в обеспечении учебниками и учебными пособиями, которое было связано с разбросанностью по огромной степной территории аульных и старшинских школ. Возникали также трудности с обеспеченностью школ квалифицированными кадрами. Не меньшие затруднения вызывали обычаи кочевого образа жизни: проведение на кочевьях более 4-х месяцев в году приводило к тому, что дети забывали пройденный материал в начальной школе. Некоторые дисциплины вызывали также недоверие у казахов – это гимнастика в старшинских начальных школах, которая принималась ими как подготовка к военной службе.

Немалые трудности возникали и в обучении девочек-казашек. До середины XIX в. они получали дошкольное религиозно-нравственное воспитание. Их готовили к роли матери большой традиционной семьи. Именно на это был сделан упор при создании школ для девочек, несмотря на то, что предполагалось готовить их работать учительницами в старшинских и аульных школах. Основная идея организаторов русско-казахских женских училищ заключалась в том, что, став матерями и заботясь о своих детях, они опосредованно вольют в них любовь к школе, учению, просвещению – в чем так нуждается казахский народ. Предполагалось, что возможно многие дети сыграют достойную роль в просвещении своего народа. Недоверие простых казахов к нетрадиционному образованию для казахских девочек удалось преломить через авторитет правителей и султанов, когда их дочери были отданы в учение. Принимали только по личному согласию и с учётом мнения родителей, что развенчивает позицию о насильственной русификации казахского населения.

Упор на создание государственной системы дошкольного образования в Астраханской губернии был сделан после Октябрьской революции. Оно определялось необходимостью воспитать в подрастающем поколении воли, трудолюбия, приучения к систематическому и упорному труду. Было четко определено, что в самом раннем детском возрасте закладываются хорошие и искореняются плохие привычки, и именно детские годы накладывают сильный отпечаток на характер, и когда нельзя пропустить заложенные дарования.

С этой целью отделом дошкольного воспитания Комиссариата народного образования Астраханского края в 1918 г. для детей дошкольного возраста повсеместно устраиваются детские площадки, сады с играми, ручным трудом и т.д. «Основная задача площадок-садов спасения детей от пагубного бесконтрольного влияния улицы, а также приучение с ранних лет к регулярному серьезному труду и приобретению истинных и полезных в жизни знаний (плетению корзин, сетей, склеиванию коробочек, изготовление незамысловатых игрушек и т.п.)» [6]. Помимо городских детских площадок-садов создавались сельские дошкольные учреждения. По мнению руководителей губернского дошкольного образования, именно в селе дети оставляются родителями без присмотра. Это приводит к большому детскому травматизму и смертности. Кроме заботы о духовном и физическом развитии детей, присмотре и питании, в площадках-садах дети разных национальностей сформируют толерантное отношение к различной конфессиональной и национальной принадлежности.

Ведущая цель – освободить взрослых членов семьи для индивидуальной и общественной работы, не отклоняла решение ещё одной важной для детских площадок-садов задачи. При дошкольных учреждениях предполагалось создание детских изб-читален, где детям будут читать доступные их возрасту рассказы, сказки, и где предполагалось совместное вечернее проведение мероприятий для родителей: спектакли, постановки, беседы. Там же считалось возможным организовать обучение огородничеству, цветоводству, молочному хозяйству и т.п., чтобы приучить детей правильно ведению хозяйства, принятому и распространенному в данной местности [6].

Общественное дошкольное воспитание получило широкое распространение в России с 1905 по 1917 г., но было введено в общую систему народного образования только после Октябрьской революции. На I Всероссийском съезде по дошкольному воспитанию, были раскрыты основные программные требования, касающиеся общественного воспитания: «...основным типом дошкольного учреждения должен быть детский сад-очаг с длительным пребыванием в нем детей, чтобы помогать делу раскрепощения женщины и эффективнее осуществлять всестороннее развитие детей;

учреждения общественного дошкольного воспитания должны способствовать переустройству старой семьи, установлению единых задач общественного и семейного воспитания;

воспитательная работа в детских садах должна вестись на **родном языке детей** « с внесением в формы родного языка того социалистического содержания, каким

проникнуто всё наше строительство»; органы народного образования обязаны заботиться о подготовке для этих учреждений работников, которые могли вести воспитательную работу и создавать пособия на родном языке детей ...» [3, с. 259–230].

Социалистическое содержание, о котором говорилось на съезде, не принимало никаких религиозных влияний. с этого момента конфессиональная составляющая была отторгнута на государственном уровне от системы воспитания и обучения детей.

Основным типом дошкольных учреждений съезд признавал детский сад с шестичасовым пребыванием в нем детей. Вместе с тем, учитывая условия работающей женщины, съезд счел «желательным и возможным продолжить пребывания ребенка в детском саду на все время рабочего дня матери».

Основные требования к организации, содержанию и методам работы детского сада были изложены в «Инструкции по ведению очага и детского сада», опубликованной в 1919 г. Различие между детским садом и очагом определялось временем пребывания ребенка в дошкольном учреждении: до 6 ч – детский сад, 8–10 ч – очаг. Центральное место в этом документе занимали вопросы организации обстановки, обеспечивающей проявление детской активности и инициативы [3, с. 230].

После I съезда продолжалась работа по созданию советской системы дошкольного воспитания. Серьезно стоял вопрос об установлении преемственности между детским садом и школой. Дошкольный отдел, работая в большом контакте с отделом единой трудовой школы Наркомпроса, рассылал по разным городам совместные указания, намечавшие организационные формы совместной работы детского сада и школы. К концу 1918 г. в системе Наркомпроса работало около 400 детских садов, а в 1920–4723 гг. – дошкольных учреждения.

В настоящее время принадлежность к той или иной национальной и конфессиональной общности в Российском государстве предоставляет возможность различных подходов по организации дошкольного воспитания и начального обучения в местах компактного проживания, если они не противоречат позициям, изложенным в новом законе «Об образовании в Российской Федерации».

Список литературы

1. Вагабов М. В. Ислам и семья / М. В. Вагабов. – Москва : Наука, 1980. – 174 с.
2. Ефремова В. Ф. Народные школы Калмыкии в конце XIX – начале XX вв. / В. Ф. Ефремова. – Элиста, 1969. – С. 4–41.
3. История дошкольной педагогики : учебное пособие / под ред. Л. Н. Литвина. – Москва : Просвещение, 1989. – 352 с.
4. История дошкольной педагогики в России : хрестоматия /сост.: Е. А. Гребенщикова, А. А. Лебеденко, Н. Б. Мчедпидзе ; под ред. М. Ф. Шабаевой. – Москва : Просвещение, 1976. – 432 с.
5. Казанский Н. Ф. Народное образование в Астраханской губернии / Н. Ф. Казанский // Русская мысль. – 1898. – № 1–4. – С. 6–10.
6. Калегулов В. О дошкольном образовании в Астраханском крае / В. Калегулов // Известия Астраханского губернского комиссариата по народному образованию. – 19 (6) мая 1918. – № 1.
7. Ольнева А. Б. Народное образование в Астраханском крае XIX в. – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. пед. наук / А. Б. Ольнева. – Тбилиси, 1988. – 21 с.
8. Татары // Энциклопедия. – Москва : Наука, 2001. – 583 с.
9. Трещёв А. М. История развития образования в Астраханской губернии XVIII – начало XX вв. : курс лекций / А. М. Трещёв, Г. В. Алфёрова, Е. А. Тарабановская. – Астрахань : Астраханский государственный педагогический университет, 2001. – 118 с.
10. Российская Федерация. Об образовании в Российской Федерации от 29.12.2013 : федеральный закон № 273-ФЗ : [принят Государственной думой 21 декабря 2012 г. ; одобрен Советом федерации 26 декабря 2012 г.]. – Москва, 2013.
11. Частный детский сад // Центр «Бемби». – Режим доступа: <http://www.bembinn.ru/company/chastniy-detskiy-sad/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. Vagabov M. V. *Islam i semya* [Islam and family], Moscow, Nauka Publ., 1980. 174 p.
2. Yefremova V. F. *Narodnye shkoly Kalmykii v kontse XIX – nachale XX vv.* [The folk school of Kalmykia in the late XIX and early XX centuries], Elista, 1969, pp. 4–41.
3. Litvina L. N. *Istoriya doshkolnoy pedagogiki* [History of pre-school pedagogy], Moscow, Prosveshchenie Publ., 1989. 352 p.
4. Grebenshchikova Ye. A., Lebedenko A. A., Mchedlidze N. B. *Istoriya doshkolnoy pedagogiki v Rossii* [History of preschool pedagogy in Russia], 1976. 432 p.
5. Kazanskiy N. F. Narodnoe obrazovanie v Astrakhanskoy gubernii [Public education in the Astrakhan province]. *Russkaya mysl* [Russian Thought], 1898, no. 1–4, pp. 6–10.
6. Kalegulov V. O doshkolnom obrazovanii v Astrakhanskom krae [On pre-school education in the Astrakhan region]. *Izvestiya Astrakhanskogo gubernskogo komissariata po narodnomu obrazovaniyu* [Bulletin of the Astrakhan provincial Commissariat for public education], 19 (6) May, 1918, no. 1.
7. Olneva A. B. *Narodnoe obrazovanie v Astrakhanskom krae XIX v. – nachala XX v.* [Public education in the Astrakhan region XIX and early XX century], Tbilisi, 1988. 21 p.
8. Russian Federation. On Education in the Russian Federation 29.12.2013. Federal Law no. 273-FZ. Adopted by the State Duma on December 21, 2012; approved by the Federation of December 26, 2012. Moscow, 2013.
9. Tatars [Tatars]. *Entsiklopediya* [Encyclopedia], Moscow, Nauka Publ., 2001. 583 p.
10. Treshchev A. M., Alferova G. V., Tarabanovskaya Ye. A. *Istoriya razvitiya obrazovaniya v Astrakhanskoy gubernii XVIII – nachalo XX vv.* [History of educational development in the Astrakhan province of XVIII – beginning of XX centuries], Astrakhan, Astrakhan State Pedagogical University Publ. House, 2001. 118 p.
11. Chastnyy detskiy sad [Private kindergarten]. *Tsentr «Bembi»* [Center "Bambi"]. Available at: <http://www.bembinn.ru/company/chastniy-detskiy-sad/>.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ УЧАСТИЯ КАЛМЫКОВ В РУССКО-ТУРЕЦКИХ ВОЙНАХ¹

Мацакова Наталья Петровна, кандидат исторических наук, доцент

Калмыцкий государственный университет
358000, Российская Федерация, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail: matsakova_np@mail.ru

В статье изучается историография участия калмыков в русско-турецких войнах. Эта тема затрагивалась многими исследователями в XVIII–XX вв., в специальных и обзорных работах. Но качественный анализ всей литературы еще не производился. В статье приведен обзор имеющейся историографии. При этом она поделена на группы и кратко охарактеризована. В конце статьи подведены выводы и результаты исследования.

Ключевые слова: калмыки, русско-турецкая война, сражения, историография, военные истории

SOME QUESTIONS OF HISTORIOGRAPHY OF THE KALMYKS' PARTICIPATION IN RUSSIAN AND TURKISH WARS

Matsakova Natalya P., Ph.D. (History), Associate Professor

Kalmyk State University
11 Pushkin st., Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russian Federation
E-mail: matsakova_np@mail.ru

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Южные границы России второй половины XVI–XVIII вв. и трансформация пограничных сообществ», проект № 13-01-00173 (тема № 862) 2013–2015 гг.